

Маркеры правового статуса иноземцев в России первой четверти XVIII века*

Ольга Ермакова

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия

Markers of the Legal Status of Foreigners in Russia in the First Quarter of the 18th Century

Olga Ermakova

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

This article examines the basic components of the socio-legal status of foreign specialists in Russia in the first quarter of the eighteenth century: citizenship, attitude to the oath (of loyalty to the service, of eternal service), the contract (as a key document that determined not only the conditions of work, but also the position of a foreigner in society, as well as social prestige). During the time of Peter the Great, the concept of citizenship (as applied to foreigners) developed: from identifying citizenship with belonging to the Moscow Church to understanding citizenship as belonging to the state (or the monarch). The author examines the corresponding status characteristics: their legal bases (including procedural and documentary forms of recording subjects' obligations) and practical significance for foreign specialists. Issues related to the acceptance (or non-acceptance) of Russian citizenship by foreigners are studied in direct connection with other obligatory relations of foreigners with the authorities (the practice of taking the oath of "loyalty to the service", as well as of "eternal service"). The paper shows the nuances of their interrelationship, similarities and differences with the oath of citizenship. This aspect leads to the problem of the conflict of legal consciousness connected with the

* *Citation:* Ermakova, O. (2024). Markers of the Legal Status of Foreigners in Russia in the First Quarter of the 18th Century. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 3. P. 807–817. DOI 10.15826/qr.2024.3.909.

Цитирование: Ермакова О. Маркеры правового статуса иноземцев в России первой четверти XVIII века // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 3. P. 807–817. DOI 10.15826/qr.2024.3.909 / Ермакова О. Маркеры правового статуса иноземцев в России первой четверти XVIII века // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 3. С. 807–817. DOI 10.15826/qr.2024.3.909.

different ideas about the rights and mutual obligations of foreign specialists and representatives of state authorities. For foreigners, taking the oath and its form (including the text of the document) were of fundamental importance, became a subject of discussion and served as a reason for entering into dialogue with the authorities. In addition to issues related to the oath, the conclusion of service contracts created a legal contact area for communication between the state and foreigners. During the discussions, the parties managed to reach an agreement on the working conditions of the specialists: the foreigners' demands to adapt the contractual texts were met. In practice, however, this did not mean the obligatory fulfilment of the prescribed conditions. In the first quarter of the twentieth century, both swearing an oath (for citizenship, perpetual service, loyalty to the service) and concluding a contract remained forms of unilateral obligations of foreigners towards the authorities.

Keywords: era of Peter the Great, citizenship, oath, contract, foreigners, social and legal status

Исследованы базовые составляющие социально-правового статуса зарубежных специалистов в России первой четверти XVIII в.: подданство, отношение к присяге (на верность службы, на вечную службу), контракт (как ключевой документ, определявший не только условия работы, но и положение иноземца в обществе, социальный престиж). В эпоху Петра I наблюдалась эволюция понятия подданства (применительно к иноземцам) от отождествления с принадлежностью к Московской церкви до понимания его как принадлежности к определенному государству (или государю). Рассмотрены соответствующие статусные характеристики, их юридические основания (в том числе процедурные и документальные формы фиксации верноподданнических обязательств) и их практическое значение для иностранных специалистов. Вопросы, связанные с принятием (или непринятием) иноземцами российского подданства, исследованы в непосредственной связи с другими обязательственными отношениями иностранцев к власти (практики принятия присяги «на верность службы», а также «на вечную службу»). Показаны нюансы их взаимосвязи, сходства и различия с присягой на подданство. Данный аспект выводит на проблему конфликта правосознаний, выраженного в разности представлений зарубежных специалистов и представителей властных структур о правах и взаимных обязательствах. Для иностранцев принятие присяги и ее форма (включая текст документа) имели принципиальное значение и являлись предметом обсуждения, служили поводом для вступления в диалог с властью. Помимо вопросов, связанных с присягой, контактное правовое поле для коммуникаций между государством и иноземцами создавали договоры о службе. В ходе обсуждений контрагентам удавалось достигнуть соглашения относительно условий работы специалистов: просьбы иностранцев о корректировке текстов контрактов удовлетворялись. Однако это не означало обязательного исполнения прописанных условий

на практике. В первой четверти XVIII в. как принятие присяги (на подданство, вечную службу, верность службе), так и заключение договоров фактически оставались формами односторонних обязательств иностранцев по отношению к власти.

Ключевые слова: эпоха Петра I, подданство, присяга, контракт, иностранцы, социально-правовой статус

Подданство представляется одним из ключевых маркеров социально-правового статуса, когда речь заходит о положении иностранцев в том или ином государстве. При всей кажущейся очевидности категорий «подданный» / «не подданный» применительно к зарубежным выходцам определение данного социального и юридического маркера оказывается не столь однозначным. Оно неразрывно связано с формированием института подданства в России в целом, а также с эволюцией термина «иностранец». Представляется целесообразным говорить о понимании подданства не только как формализованной правовой категории, но и как модели отношений государства и личности. Проблема принятия (или непринятия) иностранными специалистами российского подданства тесно связана с исследованием других обязательственных отношений иностранцев к власти. Имеются в виду практики принятия присяги «на верность службе», а также «на вечную службу», нюансы их взаимосвязи, сходства и различия с присягой на подданство (вечное или временное). Думается, что данный аспект выводит на проблему конфликта правосознаний, выраженного в разности представлений о правах и обязанностях иностранцев, вступивших в русскую службу. Для иностранцев принятие присяги, ее форма и содержание текста соответствующего документа имели принципиальное значение, становились предметом обсуждения и поводом для вступления в диалог с властью (о чем едва ли задумывались «природные» российские подданные).

Наиболее активные коммуникации с властью с целью конкретизации социально-правового статуса иностранцев происходили в рамках договорных форм отношений государства и наемных зарубежных специалистов. Именно в контрактах детально формулировались основы материального положения иностранцев, условий жизни, должностных обязанностей и прав в соответствии с должностью и чином. Договор создавал контактное правовое поле для взаимодействий между государством и иностранцами (согласование условий, процедура заключения и последующее исполнение). Содержание договоров прямо или косвенно указывало на уровень социального престижа и социальной оценки (пользуясь терминами Р. Мунье)¹. К слову, фак-

¹ О концепции социальных иерархий, маркерах социального престижа и социальной оценки см.: [Mousnier, p. 9–22].

тор подданства (в разных ситуациях, его наличие или отсутствие) также оказывал влияние на степень социального престижа.

Понятие «подданство» многослойно и наделено различными коннотациями в рамках правового и политического языка XVIII в. Говоря о статусе иноземцев (как подданных, так и не подданных), следует заметить, что в допетровскую эпоху он определялся принадлежностью не столько к другому государству, сколько к иной, не Московской церкви. По классификации, предложенной Т. А. Опариной, выходцы из иностранных государств определяются как «внешние иноземцы», а проживавшие на завоеванных территориях Казанского, Астраханского и Сибирского ханств мусульмане и язычники – как «внутренние иноземцы» или «иноверцы». Несмотря на подчиненность православному монарху, «иноверцы подданными в полном смысле этого слова так и не становились», отмечает исследователь [Опарина, с. 6]. Фактически переход в подданство московскому государю осуществлялся через переименование в православную веру [Орленко, с. 102].

Ассоциирование подданства с конфессиональной принадлежностью иноземцев трансформируется в ходе преобразований Петра I, изменивших отношение власти к вопросам вероисповедания иностранцев, проживавших в России. Законодательно право на свободу вероисповедания и строительство храмов закреплялось манифестом 1702 г. «О вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповедания» [ПСЗ-1, т. 4, № 1910], а также посланием Святейшего синода 1721 г., разрешавшим православным вступать в браки с иноверцами [Там же, т. 6, № 3814]. Как справедливо заметила Г. В. Шебалдина, рассуждая о положении пленных каролинов в России, столь явная религиозная толерантность Петра объяснялась с точки зрения практицизма, присущего царю-реформатору. Монарх видел в шведских военнопленных грамотных гражданских и военных специалистов и небезосновательно полагал, что обещание свободного отправления веры позволит привлечь квалифицированные кадры на русскую службу [Шебалдина, 2014, с. 46]. Переход на государеву службу позволял каролинам выйти из статуса военнопленных. Принятие же пленными православной веры и присяги впоследствии помешало им вернуться в отечество после заключения Ништадтского мира [Шебалдина, 2003, с. 123, 219].

В контексте исследования проблемы подданства и различных видов присяги иноземцев в XVIII в. целесообразно обратиться к практикам предшествующего периода. До перехода к системе массового заключения контрактов с зарубежными специалистами, инициированного Петром I, преобладали безоговорочные формы устройства иностранцев на русскую службу. Одной из таковых являлся приезд «на государево имя», то есть «на вечную службу». В данном контексте не стоит понимать термин «вечная служба» как буквальное обозначение срока (то есть *навечно*), на который принимался иностранец, поскольку формально иноземец мог в любой момент прекратить службу

царю и вернуться в отечество. Таким образом, на время нахождения в Московском государстве иностранец приравнивался к российским подданным в том смысле, что царь мог распоряжаться им по своему усмотрению. В то же время иноземец оставался и в ведении своего государя, сохраняя иное подданство и право возвращения на родину (разумеется, кроме случаев «перекрещивания» иноземцев).

На практике правовые нормы часто нивелировались. Хотя и известны случаи возвращения иностранцев на родину, распространенным явлением как в XV, XVI, так и в XVII в. было удержание иноземцев в России под разными предлогами. По наблюдениям историка права А. С. Мулюкина, придумывались именно разнообразные предлоги, но не делалась ссылка на то, что иностранец обязался служить вечно. Подобным образом задерживались и те, кто приезжал «на наем», то есть временно, по договору [Мулюкин, с. 152–157]. Иллюстративен ответ государя Алексея Михайловича датскому королю на просьбу отпустить с царской службы генерала Баумана, давно отработавшего «урочное время» в России. В соответствующей грамоте 1667 г. сообщалось:

...Генерала порутчика Николая Бовмана чрез волю его держати не велим, а что против его вымыслу какие дела к нашему царского величества полковому делу начаты, а в совершение не приведены, и по нашему царского величества указу ему, генералу порутчику, побыти у нас, великого государя, на Москве, покаместа... всякие вымышленные дела в совершение приведены будут («Акты, относящиеся до службы в России генерала Бовмана, 1666 сентября 9–1671 февраля 28») [цит. по: Дополнения, с. 90].

Тем не менее, генералу, можно сказать, повезло. Через четыре года его все же отпустили на родину [Там же, с. 92]. В эпоху Петра I, несмотря на законодательное дарование права свободного выезда иностранцев в отечество, данная правовая норма также нередко нарушалась [см., например: РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1703 г. Д. 31. Л. 1–7]. В целом наличие или отсутствие формального статуса подданного не отменяло реального отношения государства к иностранцам, а скорее давало ему право распоряжения ими не иначе, как собственными подданными. Ситуация стала постепенно меняться не ранее второй трети XVIII в.

Реализация петровских преобразований потребовала значительного количества разного рода специалистов, в том числе чиновников, на высшие позиции в создававшихся коллегиях. Разумеется, от занимавших ключевые административные должности иностранцев потребовались клятвы в верности и преданности, а также в неразглашении тайных сведений, которые могли стать им доступны во время службы. По именному указу от 19 июня 1719 г. следовало «вице-президентов, советников и ассесоров и прочих служителей иноземцев, которые в коллегиях, обязать присягою в Сенате» [ПСЗ-1, т. 5,

№ 3393]. В указе не оговаривалось специальной формы присяги для иноземцев. Текст, предложенный иностранцам, практически совпадал с тем, что в 1720 г. будет утвержден Генеральным регламентом для всех коллежских служащих². Отсыл к тому, что присяга ориентирована на иноземцев, содержится в самом начале текста и включает обязательство в «вечной службе». В главе 1 «О присяжной должности» Генерального регламента соответствующий фрагмент выглядит следующим образом: «Что хочу и должен *своему природному и истинному государю...* верным, добрым и послушным рабом и подданным быть (здесь и далее выделено мной. – О. Е.)» [Реформы Петра I, с. 109]. В тексте, предложенном иноземцам в 1719 г., формулировка несколько иная: «что хочу и должен *царю и государю... в вечной службе, яко природным, истинным, верным, добрым и послушным рабом и подданным быть*» [цит. по: Поленов, стб. 1730].

Иноземцы высших чинов выразили несогласие с требованием принести подобного рода клятвенное обещание и направили в Сенат предложения по корректировке текста присяги. Недоумение вызвало условие служить вечно, тогда как заключенные с приглашенными специалистами контракты («капитуляции») подразумевали временный характер службы. Вице-президент Ревизион-коллегии Яган Фридрих фон Шмиден, отказываясь принимать «вечную» присягу, апеллировал к своему контракту, а также заявлял, что служил у разных монархов и приносил присяги, но никогда не сталкивался с подобной формой (которая, помимо прочего, закрывала возможности для семейства иноземца приехать к нему в Россию). К донесению Шмидена прилагался отредактированный им вариант присяги. Отличия от сенатской формы заключались в изменении ряда формулировок, указывавших на статус принимавшего присягу. Так, слово «вечной» (службе) опущено, а словосочетание «*природным, истинным, верным, добрым и послушным рабом и подданным быть*» заменено на «истинным, верным, добрым и послушным *служителем* быть» [Поленов, стб. 1732–1733].

Оперирование словами «раб», «подданный», «служитель» отсылает к проблеме эволюции политического языка XVIII в. и вопросам самоидентификации власти и (не)подданных. По указу 1702 г. обращение «Вашего Величества низжайший раб» (которое следовало использовать в прошениях на высочайшее имя) должно было уравнивать всех подданных перед монархом. Как отмечает Е. Н. Марасинова, слово «раб» не несло уничижительной нагрузки и достаточно быстро оказалось воспринято подданными как унифицированная форма самоопределения в прошениях на имя царя. Только при Екатерине II в 1786 г. подпись «всепопданнейший раб» будет заменена на «всепопданнейший» или «верный подданный», а в патентах – на «под-

² Разумеется, текст присяги был ориентирован прежде всего на российских подданных (хотя изначально в процессе создания коллегий оказалось задействовано немало иностранных специалистов). См.: [Реформы Петра I, с. 109–110].

данный»³. При этом «термин “подданный” в качестве подписи становится обязательным лишь для определенных видов посланий на имя императрицы, а именно – для реляций, донесений, писем, а также присяжных листов и патентов», что свидетельствовало об ограниченном круге лиц, имевших право обращаться с подобными документами. Соответственно, «собственно “подданными” государство признавало очень избранную группу лиц» [Марасинова, 2008, с. 114].

Возвращаясь к полемике иностранных коллежских служащих с властью о форме присяги, отметим, что принятые на высшие должности в коллегиях уроженцы недавно завоеванной Лифляндии также обращались с просьбой не приводить их к предложенной присяге. Они сообщали, что клятву на подданство уже дали, причем с условием предоставления привилегий, дарованных жителям завоеванных северо-западных территорий. Повторное же требование принести присягу на подданство ставит под сомнение сохранение соответствующих прав. Поэтому означенные иноземцы считали возможным говорить лишь о присяге на верность службы, из которой только следовало исключить слова о целовании креста, так как это не соотносилось с традициями их религии (то же отмечал и упомянутый Шмиден) [Поленов, стб. 1736–1737].

Пространные предложения подал иноземец Генрих Фик, принятый в 1717 г. на должность советника Камер-коллегии. В донесении он перечислил свои заслуги по устройству коллегий и подчеркнул, что ревностно исполнял принятые на себя обязательства и без присяги «как природный подданный». Обращаясь к Сенату, он называет себя «верным слугой» [Там же, стб. 1738]. Однако дать обязательство «в вечной службе» он отказывался, не желая «свою природную вольность» променять ни на богатство, ни на что другое. При этом он допускал возможность навсегда остаться в Лифляндии или Эстляндии в случае благоприятного стечения обстоятельств и наличия значимых привилегий. Г. Фик приложил к донесению свой «индивидуальный» вариант присяги, составленный с учетом условий его контракта (капитуляции) и патента. Отсыл к учиненной с иноземцем капитуляции содержится в преамбуле к присяге наряду с утверждением о сохранении «природной вольности». Содержание первого пункта акцентирует внимание на сроке службы и указывает на самоидентификацию иноземца по отношению к власти: Фик обещает быть «верным, и добрым, и послушным слугою», пока «в государстве или вне государства в службе Его Величества» будет [Там же, стб. 1742]. В последующих пунктах временный характер службы также неоднократно оговаривался.

После рассмотрения обращений иноземцев Сенат запросил списки служителей коллегий с указанием формы присяги, которую каждый из них готов был принять. Выяснилось, что принести клятву

³ О семиотических формах выражения отношений между властью и личностью через коммуникации в виде прошений на высочайшее имя см.: [Марасинова, 2016].

«в вечной службе» согласились лишь несколько иноземцев. Остальные же предпочли ограничиться присягой на верность службы, сохранив тем самым привилегии выходцев из завоеванных территорий или же преимущества статуса иностранных специалистов (подданных других государств), уповая на приоритет условий заключенных с ними контрактов. В тексте присяги на вечную службу слово «раб» было заменено на «служитель». В клятве на верность службы выражение «подданный раб» было исправлено на «подданный слуга», а также добавлено уточнение, что служить иноземцы будут в соответствии с учиненными капитуляциями, по окончании которых имеют право выехать из Российского государства, сохранив в тайне все, что им довелось узнать в течение «договорных лет» [Поленов, стб. 1759–1763].

Известны и другие примеры, когда иноземцы не соглашались принимать присягу на верность службы. Работавший на горных заводах Урала с начала 1720-х гг. бергмейстер Иоганн Готфрид Гейденрейх отказывался «учинять присягу» до тех пор, пока с ним не заключат новый контракт, поскольку срок предыдущего истек. Для иностранца принципиальное значение имели условия договора. Только после подписания контракта он считал возможным дать клятвенное обещание в верности службы [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193. Л. 92–92 об.].

Аналогичным образом приносили присягу в верной службе наряду с заключением договоров военные специалисты. Например, в 1698 г. вице-адмирал Корнелий Крюйс обязался верно служить его царскому величеству. «Договорные статьи» иноземца предусматривали ограниченный срок службы в России, право выезда в отечество и сохранения за иноземцем должности, занимаемой им в Амстердаме. В тексте присяги Крюйса дана ссылка на «постановленные статьи» (контракт), заверенные «руками полномочных послов». С точки зрения самоидентификации иноземца, документ не содержит наименований «раб», «слуга» и т. п. Обозначены только должность (вице-адмирал) и обязательство «Его государское повеление со усердием исполнять, как пристойно верно в том чину обходиться» [РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 6].

Однако некоторые иноземцы находили преимущества в «вечной службе». Так, в 1697 г. Максим Менезиус подал челобитную о принятии его в вечное подданство и определении в службу. Иностранец сообщил, что его отец служил Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. Сам же он «по малолетству» еще не успел послужить русскому государю. Отец посылал его «с Москвы за море в Цесарскую землю для науки». После обучения Менезиус четыре года служил «в Цесарском войску в Венгерской земле», где узнал о кончине своего отца, после чего приехал в Москву и изъявил желание служить Петру I [Там же. 1697 г. Д. 9. Л. 1]. Впрочем, иноземец относился к категории «старовыезжих». Он родился в Москве в Новой Немецкой слободе. Примечательно, что в данном случае вопрос о подданстве ставился независимо от вероисповедания иноземца. Следовательно, уже на данном этапе

имело место обособление понятия подданства от критерия принадлежности к московской церкви. Впоследствии дети иностранцев стали считаться подданными по рождению. Согласно определению понятия «иностранец», данному в Регламенте о управлении Адмиралтейства и верфи 1722 г., те, кто родились в России и приняли службу, «те яко Россияне почтены имеют быть». В этом же пункте прописано, что если иностранцы желают учиться какому-либо мастерству в Адмиралтействе, то прежде должны учинить «присягу в вечное фазальство» [ПСЗ-1, т. 6, № 3937]. Специальная форма присяги на вечное подданство для иностранцев была утверждена только при Елизавете Петровне в 1747 г. [Там же, т. 12, № 9434].

Подданство, присяга на верность службы и контракт создавали базовую основу социально-правового положения иностранных специалистов в России. Названные маркеры статуса отражали характер политико-правовой связи, взаимодействий и способов самоидентификации сторон в рамках отношений между государством и иностранцами. В первой четверти XVIII в. все обозначенные модели связей власти и личности фактически представляли собой односторонние обязательства иностранцев по отношению к монарху. Причем наличие юридических и документальных подтверждений того или иного элемента статуса далеко не всегда означало соблюдение связанных с ним прав, привилегий и взаимных обязательств. В случае с подданством даже формальная принадлежность иностранца к другому государству не защищала иностранца от распоряжения им как «природным российским подданным» во время нахождения на русской службе. При этом сами иностранцы трепетно относились к фактам принятия присяги (на подданство или верность службы) и заключения контрактов, тщательно изучали содержание текстов «клятвенных обещаний» и договоров. Власть в целом соглашалась на уступки иностранцам, корректируя предлагаемые условия службы и позволяя редактировать документы, фиксировавшие обязательственные отношения. Вместе с тем на практике даже договор пока еще не являлся гарантом защиты прав зарубежных специалистов (о признаках односторонней связи, а не взаимных обязательств контрагентов свидетельствовал формуляр контрактов – «капитуляций»). Диалог между государством и иностранцами зарождался, происходили качественные изменения правового статуса иностранцев, но полноценная коммуникация сформируется позднее – при преемниках Петра I.

Библиографические ссылки

ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией : в 12 т. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1853. Т. 5. 567 с.

Марасинова Е. Н. «Рабы» и «граждане» в Российской империи XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе» : К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / отв. сост. А. В. Доронин. М. : РОССПЭН, 2008. С. 99–118.

Марасинова Е. «Могу быть подданным, даже рабом, – но холопом не буду и у царя небесного»: власть и личность в России XVIII века // Новое лит. обозрение. 2016. № 5 (141). С. 228–244.

Мулюкин А. С. Приезд иностранцев в Московское государство : Из истории русского права XVI и XVII веков. СПб. : Тип. СПб. т-ва «Труд», 1909. 288 с.

Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М. : Прогресс-Традиция, 2007. 384 с.

Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII в. (правовой статус и реальное положение). М. : Древлехранилище, 2004. 341 с.

Поленов Д. О присяге иноземцев, принятых в русскую службу при Петре Великом // Рус. архив. 1869. № 11. Стб. 1729–1766.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 4–6, 12.

РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1697 г. Д. 9; 1698 г. Д. 5; 1703 г. Д. 31.

Реформы Петра I : сб. док. / сост. В. И. Лебедев. М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. 379 с.

Шебалдина Г. В. Шведские военнопленные в Сибири в первой четверти XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 2003. 271 с.

Шебалдина Г. В. Заложники Петра I и Карла XII : Повседневный быт пленных во время Северной войны. М. : Ломоносовъ, 2014. 192 с.

Mousnier R. Social Hierarchies. 1450 to the Present / transl. by P. Evans ; ed. by M. Clarke. L. : Croom Helm, 1973. 206 p.

References

Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye arkheograficheskoi komissiei v 12 t. [Additions to Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission. 12 Vols.]. (1853). St Petersburg, Tipografiya Eduarda Pratsa. Vol. 5. 567 p.

GAZO [State Archive of Sverdlovsk Region]. Stock 24. List 12. Dos. 193.

Lebedev, V. I. (Ed.). (1937). *Reformy Petra I. Sbornik dokumentov* [Reforms of Peter I. Collection of Documents]. Moscow, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo. 379 p.

Marasina, E. (2016). “Mogu byt’ poddannym, dazhe rabom, – no kholopom ne budu i u tsarya nebesnogo”: vlast’ i lichnost’ v Rossii XVIII veka [“I can be a subject, even a slave – but I will never be a serf, even for the heavenly tsar”: Authority and Personality in 18th-Century Russia]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 5 (141), pp. 228–244.

Marasina, E. N. (2008). “Raby” i “grazhdane” v Rossiiskoi imperii XVIII v. [“Slaves” and “Citizens” in the Russian Empire of the 18th Century]. In Doronin, A. V. (Ed.). “*Vvodya nruy i obychai Evropeiskie v Evropeiskom narode*”. *K probleme adaptatsii zapadnykh idei i praktik v Rossiiskoi imperii*. Moscow, ROSSPEN, pp. 99–118.

Mousnier, R. (1973). *Social Hierarchies. 1450 to the Present* / transl. by P. Evans, ed. by M. Clarke. L., Croom Helm. 206 p.

Mulyukin, A. S. (1909). *Priezd inostrantsev v Moskovskoe gosudarstvo. Iz istorii russkogo prava XVI i XVII vekov* [The Arrival of Foreigners in the Moscow State. From the History of Russian Law of the 16th and 17th Centuries]. St Petersburg, Tipografiya Sankt-Peterburgskogo tovarishchestva “Trud”. 288 p.

Oparina, T. A. (2007). *Inozemtsy v Rossii XVI–XVII vv. Ocherki istoricheskoi biografii i genealogii* [Foreigners in Russia of the 16th–17th Centuries. Essays on Historical Biography and Genealogy]. Moscow, Progress-Traditsiya. 384 p.

Orlenko, S. P. (2004). *Vykhodtsy iz Zapadnoi Evropy v Rossii XVII v. (pravovoi status i real'noe polozhenie)* [Immigrants from Western Europe in Russia of the 17th Century (Legal Status and Real Situation)]. Moscow, Drevlekhранилище. 341 p.

Polenov, D. (1869). O prisyage inozemtsev, prinyatykh v russkuyu sluzhbu pri Petre Velikom [On the Oath of Foreigners Admitted to the Russian Service under Peter the Great]. In *Russkii arkhiv*. No. 11, col. 1729–1766.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 4–6, 12.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 150. List 1. 1697. Dos. 9; 1698. Dos. 5; 1703. Dos. 31.

Shebaldina, G. V. (2003). *Shvedskie voennoplennye v Sibiri v pervoi chetverti XVIII v.* [Swedish Prisoners of War in Siberia in the First Quarter of the 18th Century.]. Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, S. n. 271 p.

Shebaldina, G. V. (2014). *Zalozhniki Petra I i Karla XII. Povsednevnyi byt plennykh vo vremya Severnoi voiny* [Hostages of Peter I and Charles XII. The Daily Life of Prisoners during the Northern War]. Moscow, Lomonosov". 192 p.

The article was submitted on 23.01.2024